21 ДЕК 1983

Вечерний Таллин
г. Таллин

«ЛЮБВИ И ПЕЧАЛИ ПОРЫВ ЦЕНТРОБЕЖНЫЙ»

В ТАЛЛИН ПРИЕХАЛА ПОЭТ БЕЛЛА АХМАДУЛИНА. СЕГОДНЯ СОСТОИТСЯ ЕЕ ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР В ДОМЕ ПЕЧАТИ. В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ ОНА ВЫСТУПИТ В ТПИ И ЦЕНТРАЛЬНОМ ЛЕКТОРИИ ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ».

Неблагодарное дело — задавать поэтам вопросы. Потому что все, что они хотели сказать, уже сказали в стихах.

Но ведь и читателя понять можно, которому хочется знать как можно больше о поэте. Поэзия — сопереживание, сопричастность. А сопричастен ли ты?

Найдя себе такое вот психологическое оправдание, обдумывала я вопросы БЕЛЛЕ АХМАДУЛИНОЙ. А, встретив ее, поняла, что очень трудно мне их задать.

— Знаете что, — сказала Белла Ахатовна, — я так не люблю отвечать на вопросы. Хотите я лучше целый вечер буду читать стихи? Решайтесь!..

I. «Звучащая, открытая для боли»

Голос Беллы Ахмадулиной не перепутаешь ни с одним из звучащих сегодня поэтических голосов. Он особый. Один в своей неповторимой открытости, боли за все беды людей вообще и каждого человека в отдельности. За хрупкий мир, за мимолетное, зыбкое и ранимое счастье, за редкие встречи и невстречи с ним. Извечные эти темы, воспетые ею, звучат и волнуют, как откровение.

Стихи Ахмадулиной читать трудно. Не потому, что непонятно. Читателю, воспитанному на классической традиции русской поэзии, стихи ее, конечно же, понятны. Трудно потому, что они как открытая рана, как болезнь твоего ребенка.

Еще труднее ее стихи слушать. Голос, глаза, жест — все в действии, все в гармонии.

Но это просто сказать — что весь вечер только стихи. На самом деле вспоминались встречи и выступления, поездки и споры, приходили и звонили друзья. А с ними — новые воспоминания и тосты. А как же без них, если находились мы на грузинской земле.

— Это замечательно, что мы встретимся в Тбилиси, — сказала Белла Ахатовна, когда мы, намечая место встречи, договорились о Тбилиси. — Это мой город.

Это замечательно — встретить поэта на земле его любви, его «Снов о Грузии», где:

«О Грузия,
лишь по твоей вине,
когда зима грязна
и белоснежна,
печаль моя печальна
не вполне,
не до конца надежда
безнадежна».

Когда-то, четверть века назад, оказалась она впервые в Грузии и, заблудившись под вечер со своими спутниками в Кахетии, спросила у старого крестьянина, куда идти. Он показал на свой дом и строго сказал: «Сюда». И тогда в ее жизнь вошла Грузия, от которой...

...«Уезжаешь и понимаешь, что, уехав, ты остался навсегда в капкане нежности к ее говору. Так и будешь всю жизнь горевать по нему, по его недостижимости для твоих губ и горла», — написала она после той встречи.

А еще раньше была Грузия Лермонтова и Грибоедова, Маяковского и Есенина, Заболоцкого и Пастернака — ставшая фактом русской поэзии. Грузия Бараташвили и Чиковани, Каладзе и Каландадзе, Галактиона Табидзе, сборник которого, вышедший в большой серии Библиотеки поэта, еще несколько дней назад стоял на полках таллинских книжных магазинов. А в сборнике рядом с переводами Антокольского, Симонова, Межирова, Заболоцкого, Тарковского и Маргвелашвили — переводы Ахмадулиной.

Сегодня на странице «Вечерки» я так много говорю о Грузии потому, что в творчестве Ахмадулиной она занимает совершенно особое — не по размеру, а по значимости—место. В Тбилиси вышел и самый лучший, самый полный из восьми сборников Ахмадулиной — «Сны о Грузии». И в недавнем ее сборнике «Тайна» — опять грузинские мотивы.

II. «Чтобы пробиться к белизне бумаги сквозь воздух, ватвердевший над столом»

Слушая Ахмадулину, я поняла, откуда на ее творческих вечерах такое странное сочетание гармонии и музыки поэтический речи, отточенной до звона летящей стрелы, прозы, напряженной изнутри как тетива натянутого лука — и трудной, запинающейся речи в ответах на записки слушателей. Говорит — и тут же правит себя на ходу. Совсем как в поэтическом пересказе Ахмадулиной черновика пушкинского письма к Каролине. Собаньской в «Отрывке из маленькой поэмы о Пушкине», где так мучительно ломается пушкинский ямб авторской ремаркой «зачеркнуто».

Вспомните ахмадулинскую прозу, которая по своей концентрированной энергии напоминает лишь цветаевскую... Вот так, например, она о Пушкине в прозе:

«Мы — путники в сторону Пушкина... Он присвоен кровообращением народа, да так и передается — из пульса в пульс, из поколения в поколение».

Это ответ на один из главных вопросов Белле Ахмадулиной: почему всю жизнь — тема Пушкина? Почему мерила и версты — всегда его?

Окунешься в язык ее поэтической прозы — и поймешь, что не столько из нелюбви к вопросам о творчестве запинаются и мечутся ее голос и слова. Просто на этих встречах, как и за письменным столом, которым при ее характере может оказаться что угодно и где угодно, как всегда мучительно ищет она то единственное слово, которое и заставит звенеть стрелу. И не может себе позволить неточности, лукавства с этим словом.

«Я знала: за лукавство слова наказывает немота», — говорит она в стихотворении «Как долго я не высыпалась...»

«Ахмадулина одушевляет все, что ей полюбилось по дороге, — писал Павел Антокольский. — Основа ее поэзии — постоянно бодрствующее чувство времени, истории и своего служения людям».

И он же в ответ на обвинение в адрес поэта в антиисторичности, отстраненности от всего, что не есть ее внутренние переживания:

«Ахмадулина прежде всего внутри истории, внутри необратимого исторического потока, связывающего каждого из нас с прошлым и будущим... Революционный смысл этих строф как будто не нуждается в подчеркивании... Она внутри истории. На то она и поэт».

Позволю себе процитировать статью о творчестве Ахмадулиной, опубликованную в «Дружбе народов» поэтом Евгением Евтушенко:

«Ее путь к эпохе — через внутренние переживания. Она тоже борется за нравственную чистоту, но без громких деклараций. Но ведь и тонкая серебряная флейта может придавать нам силы в трудных жизненных сражениях так же, как и боевая труба... И через флейту Ахмадулиной, созданную, казалось бы, лишь для камерной музыки, трагически зазвучала симфоническая тема ответственности».

Интересно, что почти все статьи — и положительные, и отрицательные о ее творчестве—озаглавлены строчками из ее стихов. Это потому, что точнее и весомее, чем сказала она сама, — не скажешь. И потому, что самый суровый критик стихов Беллы Ахмадулиной — Белла Ахмадулина.

III. «Ямб ненасытный услаждая великой горечью любви»

Я слушала, как читает Белла Ахатовна «Воскресный день», «Стихотворение, написанное во время бессонницы в Тбилиси», «Приключение в антикварном магазине», «Мы расстаемся...», в котором — леденящая по проникновенности трагедия расставания:

«Мы расстаемся —
и одновременно
овладевает миром перемена,
и страсть к измене
так в нем велика,
что берегами брезгает река,
охладевают к небу облака,
кивает правой левая рука
и ей надменно говорит:
— Пока!
...Свои растенья
вытравляет лето,
долготы отстранились
от широт,
и белого не существует
цвета —
остались семь его
цветных сирот».

Слушала и думала об одной из особенностей поэтического строя Ахмадулиной — о том, как описывает она предмет, явление, ощущение, не называя его, а как бы спиралью, виток за витком приближаясь к его сущности, сердцевине. Непрямой этот путь тормозит движение, пре-

пятствует, стремясь оттянуть неизбежный миг точного названия предмета. И когда этот миг близок, вот-вот... мы уже полны до краев ее трепетом, нетерпением и страхом, что вдруг не сбудется! Столь полны, что состоится эта встреча-поименование или нет — все равно мы ее уже пережили. Так в ее стихах. Так в прозе, где в Михайловском произошла встреча с Пушкиным, которой ты, читатель, живой взволнованный свидетель и соучастник («Вечное присутствие»). Так в «Лермонтове» пережита до полной ощутимости встреча с Лермонтовым. Как часто на всех этапах своей творческой жизни возвращается она к этим именам: Пушкин и Лермонтов. Почти так же часто, как к Марине Цветаевой и Анне Ахматовой.

Да, она умеет их любить, быть их современницей! Она ревнует их ко времени. И современников их по сей день делит для себя, да и для нас, читателей, на тех, кто был с ними в трудные минуты, и на тех, кто не заслонил собой на дуэли, не простил невинной шутки, посмел не понять, «на что он руку поднимал».

Но она умеет любить не только тех поэтов, которые давно стали классиками, а потому любить их легко и даже — хороший тон. Белла Ахмадулина умеет любить и своих современных братьев-поэтов. Прочтите ее стихи, посвященные Антокольскому, Вознесенскому, Окуджаве, Евтушенко, стихи, посвященные грузинским поэтам, — и поймете, сколь свято для нее братство поэтов.

«Не дай мне бог
моих друзей оплакать!
Все остальное я переживу».

А после этого перечитайте стихи этих поэтов, посвященные Ахмадулиной, — и поймете, что это взаимно.

...Тридцать лет прошло с того дня, когда впервые опубликовалась одаренная удивительным поэтическим слухом школьница из литературного кружка при Московском автозаводе имени Лихачева, которым руководил в то время Евгений Винокуров. Целая плеяда молодых и талантливых поэтов вошла вместе с ней в пятидесятые годы на поэтическую арену.

Многое еще вспоминалось, пока читала стихи Белла Ахмадулина. Но пересказывать это — не самое благодарное дело. Куда лучше перечитать ее стихи и прозу. А еще лучше — послушать их в авторском исполнении. Тем более, что сегодня у таллинцев есть такая прекрасная возможность. Посмотрите на лица ее слушателей и вспомните:

«Не зря слова
поэтов осеняют,
не зря, когда звучат
их голоса,
у мальчиков и девочек сияют
восторгом и неведеньем
глаза».

Такая власть дана лишь немногим поэтам.

Такая власть дана Белле Ахмадулиной...

АВГУСТИНА ГЕРБЕР.